

Вадим Белов

**Белое Похмелье Русская
эмиграция на распутьи**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 316
ББК 60.5
В12

В12 **Вадим Белов**
Белое Похмелье Русская эмиграция на распутьи / Вадим Белов – М.: Книга
по Требованию, 2013. – 149 с.

ISBN 978-5-458-40354-2

ISBN 978-5-458-40354-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

1.

ВВЕДЕНИЕ.

«Откуда начну плакати окоянного
моего життя деяния?»...

Канон.

Будущие историки великой русской революции, рассматривая на расстоянии десятилетий события проявления самостоятельности революционных сил и результаты этих сложных процессов,— вне сомнения, уделят долю внимания русской эмиграции, освещению причин, послуживших к ее зарождению, а также исторической стороне так называемого «белого движения». В нашу задачу не входит ознакомление читателя с историей борьбы реакции против революции, лже-демократизма против народной власти, белых против красных; нашей задачей является попытка возможно более подробного освещения психологической стороны русской эмигрантской массы в Европе, в последний современный период белого движения, ее настроений, наконец, условий ее быта и влияния, которое оказывают эти бытовые условия на идейную сторону белого дела.

Как психология, так и настроения и, наконец, бытовые условия эмиграции суть величины, так сказать, переменные, претерпевающие под влиянием многих разнообразных причин различные видоизменения.

Мы ставим себе целью дать общую, возможно детальную, картину, наиболее приближенную к нашим дням, пользуясь историческими справками лишь постольку, поскольку это будет необходимо для уяснения того или иного явления, действующего в выбранный нами момент.

Настоящий же момент представляет безусловно исключительный интерес не только для исследователя, но и для простого обозревателя белого берега по трем причинам: во-первых, белое движение, подвергаемое ретроспективному обозрению, представляет теперь собою период уже достаточно длительный — в смысле действительно историческом, — чтобы иметь возможность высказывать о нем определенные суждения, и являет ныне на своем протяжении, с полной ясностью, уже достаточное количество совершившихся трансформаций, эволюций, трещин и переломов, чтобы дать право подвергать его анализу, как явление, продолжающее жить и действовать, а, следовательно, обещающее в будущем новые видоизменения и эволюции, заслуживающие быть рассмотренными.

Во-вторых, ряд причин международного политического, экономического, психологического и просто бытового порядка, действуя непрерывно, привел в наши дни русскую эмиграцию на распутье. Мы застаем ее сегодня в печальных сумерках...

И, наконец, в-третьих, продолжающаяся деятельность вышеупомянутых факторов заставляет предполагать в самом ближайшем будущем вольное или невольное разрешение эмигрантской проблемы, а, следовательно, вероятность каких-то новых важнейших моральных и физических пертурбаций в зарубежной России, имеющих либо вовсе, либо весьма значительно видоизменить ее настоящую физиономию.

Рассмотрение суммы реальных причин, способных сыграть роль в данном случае, а также тех психологических факторов, происхождение которых следует искать в спектре калейдоскопа ежеминутно изменяющейся политической, — а в связи с ней и бытовой, — обстановки эмиграции, причин, заставляющих эту эмиграцию на роковом распутьи и долженствующих заставить рано или поздно выбрать новый путь, рассмотрение и освещение этих внешних и внутренних действующих сил составляет цель нашего труда.

В качестве пособий к выполнению настоящей задачи, — которую мы считаем не безынтересной и полезной для русского читателя, не покидавшего родины в годы революции и потому могущего заблуждаться относительно настроений, точек зрения, быта русской эмиграции и деятельности ее вождей, — мы будем пользоваться прежде всего личными наблюдениями и материалами, собранными в двухлетней эмиграции, а кроме того, документальными данными, почерпнутыми из эмигрантской прессы и специальных трудов по русскому вопросу, изданных за границей.

2.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ ВРАНГЕЛЯ.

[Белое движение, как воплощенная идея непримиримости с советской властью, несовместимости политических, государственных и экономических начал белого лагеря с таковыми же, провозглашенными и проводимыми властью советов в России, а следовательно—реально,—как сумма моральных и физических усилий, прилагаемых поборниками этой непримиримости к делу свержения непереносимого для них государственного строя,—белое движение на всем протяжении своей 4-х-летней истории может быть разделено на два периода.

Первый период, это—период внешнего единодушия белого лагеря, единообразия белой массы и, хотя бы наружной, однородности ее идеологии. Этот период следует признать закончившимся крушением опыта,—вернее, попытки,—создания показательной модели Российского государства (не республики и не монархии, а так, чего-то неопределенного) на Крымском полуострове под эгидой генерала Врангеля.

Справедливость принятия упомянутого исторического этапа в качестве последнего звена цепи событий активной борьбы белых с красными может быть подтверждена не столько результатами того физического, осязаемого факта крушения врангелевской армии, после которого в распоряжении белых не осталось военной силы для дальнейшей борьбы, сколько глубже—последствиями идеологического краха врангелевской России, доказавшего с полной очевидностью, что сооружена была она искусственно, не согласно с волей и требованиями народа, не пожелавшего вследствие этого ее поддерживать и защищать.

В самом деле, при наличии множества положительных данных,—как-то: всевозможной поддержки Европы, дипломатической связи (притом благожелательной), с целым миром, стратегически неприступной военной позиции, декларированного демократического управления и множества благих порывов строителей крымской России,—она все же рухнула, что доказало неопровержимо ее непригодность, несоответствие моменту и требованиям масс. Она рухнула, естественно заключая последнее звено исторической цепи и указывая ясно на необходимость для белого лагеря, отбросив старую идеологию и старые приемы борьбы, искать чего-то нового, более современного и соответствующего условиям обстановки.

Второй период начался тогда, когда военные завоевания и поражения отошли в область истории, когда генералы, сняв мундиры, разъехались по курортам и сменили шпаги на перья, когда белая армия перестала существовать и быть армией, превратившись в толпу вооруженных нахлебников Антанты на Балканах, когда идея белой непримиримости,—потерпев очевидное для огромного большинства ее защитников поражение на плацдарме военных наступательных экспериментов, не смирясь, однако, и не признавая вслух своего поражения,—перенесла развитие дальнейших тактических приемов своей противобольшевистской борьбы в плоскость чисто идейных диверсий, обходных движений политической мысли, публицистических и ораторских демонстраций, закулисной пропагандистской актуальности и просто пассивного сопротивления непримлемым идеям.

И, подобно тому, как в первом периоде все надежды белого берега возлагались на силу солдатского штыка, способную и долженствовавшую сокрушить рано или поздно Советы в России, так и во втором периоде центр тяжести планов и надежд большинства белых оказался перенесенным на внутренние силы самого русского народа, долженствующие заменить действовавшую извне силу и привести к тому же результату, сбросив рано или поздно советскую власть.

Эти два периода белого движения отделены друг от друга определенным, ярким и выпуклым рубежом, который мы и избрали исходной точкой—в смысле историческом—для нашего исследования психологии и настроений, а также зависимости, наблюдающейся между ними и бытовыми условиями русской эмиграции в период, наиболее близкий к нашим дням.

Это—тот момент окончательного и безвозвратного крушения идеи интервенции, тот момент физического краха вооруженной реакции, когда последняя белая армия оказалась сброшенной в море и тысячи русских людей,—военного и гражданского звания, правых и виноватых, убежденных и беспринципных, веривших и потерявших веру, непримиримых и готовых примириться,—увлеченные волной поголовной паники, на палубах и в трюмах полутораэта пароходов, покинули Крым, направляясь к берегам Турции...

Событие это, завершившее, как сказано, период экспериментальной контр-революции на русской территории, естественно, повлекло за собою цепь последующих более или менее значительных катастроф уже в области идеологических пертурбаций в миросозерцании широких масс эмиграции и отдельных эмигрантских вождей, а также — острых коллизий между индиви-

дуальными чувствами политического и общегражданского порядка, коллизий весьма болезненных, захвативших целые слои эмиграции и всколыхнувших застоявшееся и подернувшееся тинной болото эмигрантских умов.

Мало того, что эти тысячи русских людей, увлеченные стихийным потоком бегства в эмиграцию, часто независимо от своих индивидуальных желаний,—отойдя немного и успокоившись,—ввели свое взбудораженное сознание в нормальное русло,—мало этого, физическая катастрофа последней белой армии вызвала немедленные отзвуки в целом мире, явилась причиной поворота политик различных стран по отношению России и очень скоро стало наблюдаться реальное действие неожиданно народившихся новых внешних сил, не только не способствовавших умиротворению эмигрантских умов и направлению их на путь единения, но, напротив, склонявших их в область переоценки ценностей и пересмотра намеченных целей.

Последующие события внутри самой эмиграции, ее расслоение, ее идейный разброд, пробуждение в ней до сего дня не наблюдавшейся центробежной силы, увлекающей ее теперь прочь от старых, сокрушившихся идейных центров в поиски новых, более широких политических перспектив и горизонтов, наконец, разнородность тех самостоятельных идейных позиций, которые были ею заняты в судный день Генуи,—все это проявления очнувшейся идейной самостоятельности, умственного раскрепощения и политической сознательности,—имели свои корни в почве именно этой переоценки ценностей, проверки намеченных целей и пересмотра принятых когда-то программ, т.-е. в толще духовных наслоений, образовавшихся на смычке двух эпох белого движения—эпохи вооруженной борьбы и эпохи, последовавшей за окончательной ликвидацией последней.

Касаясь вопроса об идейном разброде, столь ярко обнаружившемся в эмиграции в последний период и приведшем ее к тому распутью, на котором мы застаем ее сегодня, нельзя не заметить, что и в первом периоде, т.-е. в эпоху существования активных белых армий, белое движение в своем внутреннем строении носило несомненные признаки идейного расслоения.

Политическая нетерпимость, наблюдаемая в эмиграции в наши дни, наблюдалась до известной степени и в первом периоде активной борьбы, например, хотя бы в факте свержения—несомненно монархически настроенным—адмиралом Колчаком эс-эровской Директории, хотя и Колчак и Директория имели общую антибольшевистскую платформу. Но на-ряду с этим одним из немногочисленных примеров и в противовес ему можно указать на Южное правительство, в котором уживались мирно бок-о-бок люди самых

различных политических толков, и на пеструю толщу Добровольческой армии, где погромщики и явные реставраторы—офицеры гвардии, помещики, завоевывавшие Россию лишь до параллели своего имени—сражались рядом с офицерами демократических убеждений.

Наконец, достаточным в смысле яркости примером политической терпимости первого периода белого движения может служить пример правительства Сев.-Зап. области, где эс-эры как правительственный контролер В. Л. Горн и министр земледелия П. А. Богданов, сотрудничали с военн. мин. и Главнокомандующим Юденичем и ген. Суворовым, не скрывавшими своих реставрационных убеждений.

Весьма характерным следует признать то обстоятельство, что до последнего крушения белой армии в Крыму белое движение оставалось внешне единообразным.

Весьма характерно, что после этого крушения, лишь тогда, когда часть печати прямо и честно заговорила о развале, злоупотреблениях и реакционной тупости белых тылов и штабов, когда, под влиянием, с одной стороны, этих разоблачений, с другой же—естественного разочарования в военной силе, часть белого лагеря в этом вопросе откололась, образовав группу, провозгласившую так называемую «новую тактику»,—в противовес ей, уже явно и откровенно определились группы черного цвета—монархисты-реставраторы.

И до этого дня—ясно—в недрах белого лагеря жили под белым флагом черные силы и уживались, потому что по природе своей белое движение активного периода и армия, его возглавлявшая, были, до известной степени, реакционны.

О реакционности этой можно судить, если не по лозунгам, провозглашенным этими армиями—трафаретным лозунгам, заимствованным из настольных демократических словарей старых изданий,—то по той системе, которая установлена была в армии, по тому смутному представлению о том, за что она, эта армия, борется, какою будет создана ее кровью завоеванная Россия, и, наконец, по тому подбору лиц и групп, коим вверено было руководить этой армией в политическом и военном отношениях.

В самом деле, говоря чрезвычайно много о том, против чего борются белые силы, руководители последних дипломатически умалчивали о том, за что происходит эта борьба и какой государственный строй явится ее результатом в случае успеха.

Были, правда, расплывчатые лозунги демократического оттенка, но наличие этих чисто внешних ширм и отсутствие ясной

и определенной политической физиономии движения, неясность политического идеала, который оно себе ставит целью, создавали только благоприятную среду для добросовестного сожительства белых с черными.

Черные смотрели на эти лозунги и на небольшую долю «демократизма», которую *volens volens* пришлось допустить в белые военные организации, как на неизбежную уступку современности, уступку, которая будет немедленно взята обратно, как только дело достигнет успешного завершения.

Чисто же белые группы, без оттенка черноты, те, которые потом примкнули к так называемой «новой тактике», не без доверчивости и наивности верили провозглашенным лозунгам, считая их основными заповедями будущего строя России, и смотрели до поры до времени сквозь пальцы на явно реакционный характер соседних с ними групп.

И тех и других объединяла идея «восстановления» России, которую каждый понимал по-своему.

Черных и белых спаивал тогда лжепатриотический цемент, одурманивала жажда возмездия, которое казалось таким «близким и возможным...»

А так как на основании архаического тезиса—«армия должна быть вне политики» и «аполитичность армии—залог успеха ее военных действий»,—тезиса, испытанного в своей спасительной силе и принесенного в «демократическую армию» из царской армии вождями последней, то и белая армия удерживалась искусственно, насколько это было возможно, в плоскости, выгодной для ее вождей, аполитичности.

Вышеприведенное обстоятельство также не мало способствовало мирному сожительству черных с белыми под знаменами царско-демократических генералов.

Была ли подобная коалиция безмолвным соглашением терпеть друг друга до поры до времени, возведенный в белом лагере тех дней в степень неписанного закона, или же дух благоразумной политической терпимости мог существовать лишь в атмосфере активной и деятельной борьбы и безусловно исчез, как только эта активность прекратилась и наступил час унылого белого похмелья, но только выявление партий в эмиграции, раскол этих партий на самостоятельные группы и раздробление групп, в свою очередь, на толки, пошло полным ходом именно тогда, когда все рухнуло, покатилося в пропасть, могучие легионы превратились в человеческую пыль и когда для каждого здравомыслящего человека стало ясным, что белая армия доиграла роль до конца и что занавес над этим актом трагедии опущен навсегда.

Нужно было грянуть грому поражения, нужно было разразиться величайшей военной катастрофе для того, чтобы упавшие ширмы лицемерия обнаружили убогую и лживую сущность белой политики «активного периода» и чтобы черная группа, сбросив белые маски и красные банты, пошла самостоятельным путем прочь от настоящих белых.

Только тогда определились с полной ясностью два основных политических течения: «республиканского» и «монархического» толка, и только тогда вся эта масса одурманенных людей, твердивших слепо и глухо об «Учредительном собрании», которое-де «решит, какой быть России», только тогда эта масса резко и бесповоротно раскололась на два лагеря.

Один, оставаясь белым, т.-е. антибольшевистским, проложил свой курс на буржуазную республику, второй же откровенно и раболепно повалился в ноги призраку поверженной династии, зашумел о претенденте и вообще углубился в область явного недоумства.

Вслед же за вожаками. широкие слои эмиграции не замедлили расколоться на два основных лагеря, а затем каждый из них,—в свою очередь, на множество новых и самостоятельных групп и толков.

Расслоившаяся на партии, группы и толки политиканствующая эмиграция не замедлила выбросить знамя идейной борьбы, при чем острие этой борьбы на этот раз—вольно и невольно—оказалось направленным не столько в сторону, враждебного для всех их равно, красного лагеря, сколько в сторону своих ближайших и более отдаленных соседей.

Исключительно оптимистический взгляд на вещи может даже пытаться найти оправдание такому разброду мысли, усматривая в нем проявление со стороны русской эмиграции высокой степени индивидуальной политической зрелости и исключительной ширины диапазона и разнообразия программных точек зрения, приведших к той богатой идейной дифференциации, которая наблюдается в настоящее время. Но даже, если признать эти доводы и согласиться с подобным оптимизмом, следует указать на неблагоприятность проявления на деле этих предположительных высоких интеллектуальных качеств русской эмиграции, ибо, группируясь на платформе, в общем для всех партий и групп единой,—а именно на платформе непримиримости с сов. властью и стремления к ее свержению «во что бы то ни стало»,—ей, эмиграции, для пользы ее дела, следовало бы повременить с проявлением своих сепаратистских тенденций до момента, когда усилиями единого фронта будет осуществлена первая и основная часть общего

плана, т.-е. будет свергнута ненавистная для них советская власть.

Помимо того, удивительно и непостижимо то обстоятельство, что, если эти партии и вожди, располагающие, надо думать, достаточным запасом опыта и знаний в области политической борьбы, если они не смогли найти в себе волю и здравый смысл отложить междоусобицу до достижения первой и основной цели—свержения советской власти,—как могли они, эти партии и вожди, вступая в новую самостоятельную борьбу, обставить последнюю так явно и беззащитно, что каждому наблюдателю ясно, насколько удары, наносимые ими друг другу, сильнее и убийственнее ударов, наносимых ими порознь их общему врагу—советской власти? . .

В то же время, все эти вновь народившиеся группы и толки, все эти осколки когда-то единого белого целого, претендующие на бытие в качестве самостоятельных политических организмов, все эти кучки честолюбивых политиканов, предполагая, вероятно, вести дальше борьбу с большевиками собственными средствами, без участия и содействия ненавистных белых же соседей, стали проявлять и проявляют максимум организационной деятельности.

Помимо зарождения целого ряда новых органов эмигрантской печати, обслуживающих самостоятельные группировки, следует указать на созыв целого ряда съездов, соборов, совещаний и конференций. В течение двух последних лет мы наблюдаем множество проявлений подобной активности, правда, в огромном большинстве, не только безрезультатных, но даже вредных для белого дела.

В самом деле, нигде так блестяще не демонстрировалась отсталость и обскурантизм влиятельных кругов эмиграции, как на пресловутом Национальном Съезде в Париже летом 21 года; никогда так ярко не выявлялось непонимание крупными русскими промышленными кругами эмиграции задач настоящего момента, запросов и особенностей современного политико-экономического положения России, как на Торгово-Промышленном съезде, вынесшем... 17 резолюций. Никогда так бесплодно и обильно не тратилось слов, как на съездах б. членов Учредительного Собрания, кадетов и т. д.; и, наконец, никогда русская эмиграция правого крыла не роняла так позорно и глупо своего монархического знамени в грязь истории, как она это сделала на съезде в Рейхенгалле, на соборе в Карловцах и на Русском Совете в Константинополе!

Но все это совершилось, ибо все это было естественным следствием резкого партийного расслоения и раздробления вызванных крушением идей интервенции, повлекшим за собою

стремление «семи нянек нянчить одно дитя», каждая по собственному рецепту—новый приступ экспериментальной лихорадки, правда, на этот раз более безвредный, чем предыдущие, как протекающий вне территории России.

Как и во всяком социальном движении, в данном случае тоже проектировали и указывали пути к осуществлению, принимали новые шаги и изменяли направления курсов вожжаки, массы же, дробясь и волнуясь, шли покорно за тем или другим из них, стремясь уверить в то же время самих себя в том, что это не вожжаки единичные ведут их за собою, как стадо, а они сами—дальновидные, сильные и разбирающиеся в обстановке—идут самостоятельно по путям и к целям, самостоятельно выбранным ими.

Так же было и в эпоху активного белого движения, когда министры предписывали, генералы приказывали, высшие чины предпринимали, а массы, покорные и близорукие, подчинялись и поступали по указке, воображая, что это *они* самостоятельно творят *свое* идейное белое дело. Однако, после упомянутого перелома, приходится отметить в этой области явление совершенно новое, а именно—стремление этих,—еще так недавно безгласных и покорных масс,—проявить подлинную самостоятельность, отбросить на этот раз вековую привычку идти туда, куда ведут немногие вожжи, и образовать какое-то нейтральное поле—эмигрантский слой, не примкнувший, временно, ни к одному из возведенных новых течений, выжидающий, выбирающий новые, действительно *собственные* пути.

К проповедникам новых тактик пристали сравнительно малочисленные группы, образовав твердые островки посреди бушующего моря широкой эмиграции, слабо разбирающейся в разновидностях тактик и казуистике программ и выведенной из состояния покоя и равновесия внезапным крушением заветной и многократно обещанной вожжами мечты о скором и верном вступлении очередного белого генерала в Москву и возврата всех и каждого к старому, любезному и горько всеми оплакиваемому состоянию.

Причины этого явления, носящие в себе—как ни парадоксален подобный вывод—явные признаки революционной природы, влиятельная и руководящая эмиграция должна искать в истории своей собственной деятельности, своего собственного руководства, ничего в результате не давшего эмиграции, кроме разочарования и недоумения, приведших ее в тот идейный тупик, где мы ее находим сегодня. Мы настаиваем на революционной природе этого явления, потому что ряд элементов революционности в нем налицо: явное, гласное и нескрываемое разочарова-